

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 8

**Санкт-Петербург
2009**

**И.Л. Тихонов
Я.И. Смирнов в Петербургском
университете: студент, магистрант,
приват-доцент**

Знакомство Якова Ивановича Смирнова с Петербургским университетом началось еще до студенчества, поскольку он учился в гимназии Историко-филологического института, окна которой выходили в университетский двор. Сейчас в этом здании располагаются филологический и восточный факультеты Петербургского университета. Это бывший, а вернее, несостоявшийся дворец Петра II, а с 1867 г. в нем разместился Историко-филологический институт, который должен был готовить учителей гуманитарных предметов, особенно древних языков, для гимназий. Через три года при институте в качестве «практического полигона» была открыта и гимназия с ярко выраженным гуманитарным уклоном, ее даже часто называли «Филологической гимназией». В гимназии было 7 основных классов и 1 приготовительный, норма наполняемости каждого класса была 32 ученика, но на практике их было меньше. Уровень преподавания был очень высокий, поскольку гимназия подчинялась непосредственно директору института, составляя с ним единый учебный комплекс, а соответственно, к работе с гимназистами привлекались институтские преподаватели, многие из которых в свою очередь были одновременно профессорами и приват-доцентами университета. Выпускники, как правило, поступали на гуманитарные факультеты Петербургского университета. Аттестат зрелости, полученный Яковом Смирновым в июне 1887 г. свидетельствовал, что он прошел за 8 лет полный курс, включая и приготовительный класс. Характеристика выпускнику была дана следующая: «Поведение отличное, исправность в посещениях и приготовлении уроков, а также исполнении письменных работ достаточная, прилежание хорошее, любознательность вполне достаточная». А вот оценки будущего академика блестящими не были: «Закон Божий – 4, Русский и церковно-славянский язык – 4,

Логика – 3, Латынь – 3, Греческий – 3, Математика – 3 (на экзамене 4), Физика, География, Краткое естествознание - 4, История – 4 (на экзамене 5), Французский и Немецкий языки – 3»¹.

Поскольку для выпускников классических гимназий вступительных экзаменов в университет не было, в августе 1887 г. Я.И.Смирнов – сын действительного статского советника, инспектора студентов Петербургского Технологического института, после подачи прошения, был зачислен студентом историко-филологического факультета. После университетского устава 1884 г. особое место на историко-филологическом факультете занимали дисциплины классического цикла: древние языки, античные авторы, история и искусство древности. На факультете сложился блестящий состав профессоров и приват-доцентов, практически во всех областях гуманитарного знания. Из дела студента Смирнова мы можем узнать, какие предметы он слушал в университете. На первом курсе это были лекции П.Н. Никитина, посвященные Эсхилу и Илиаде; лекции и практические занятия Ф.Ф. Соколова, В.В. Латышева, Ф.Ф. Зелинского по древней истории, античной литературе, эпиграфике; лекции С.Ф. Платонова, И.А. Шляпкина, Е.Е. Замысловского по русской истории и литературе. Интересно отметить, что первокурсник записался и на лекции с практическими занятиями по курсу «Доисторический человек», которые вел на естественном отделении физико-математического факультета профессор кафедры географии и этнографии Э.Ю. Петри. Естественно, посещения этих занятий не входили в учебную программу историко-филологического факультета, и видимо, свидетельствовали об интересе к археологии, уже тогда возникшем у Смирнова. Во втором семестре он начал посещать и лекции Н.П. Кондакова по археологии классического искусства, истории византийского и христианского искусства. Н.П. Кондаков, также как и Э.Ю. Петри, только в 1887 г. занял соответствующую кафедру в Петербургском университете.²

На следующих курсах, помимо вышеназванных, студент Смирнов посещал лекции и занятия филологов-классиков И.В. Помяловского, В.К. Ернштедта, И.И. Холодняка, И.П. Шебора, историков В.Г. Васильевского, И.М. Гревса, Н.И. Кареева, С.Ф. Платонова, В.Э. Регеля, историка искусства А.А. Павловского, филосо-

¹ ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 3. Д. 26229. Л. 3.

² Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 59, 109.

фа А.И. Введенского, слависта В.И. Ламанского³. Но, главным университетским учителем для него стал профессор Н.П. Кондаков, вокруг которого, сложился кружок его учеников, получивший шутовское название «фактопоклонников». Я.И. Смирнов стал первым учеником Кондакова и по времени и по положению. М.И. Ростовцев, на которого занятия Кондакова, также оказали большое влияние, впоследствии вспоминал: «Атмосфера его лекций была заразительна, атмосфера того Музея древностей Петербургского университета, в котором затем протекла значительная часть моей научной жизни. Если не прямо от Н.П., то от того кружка, который создан в Музее древностей и где другим гениальным вдохновителем был покойный Ф.Ф. Соколов..., я воспринял его энтузиазм к древности, его любовь к памятникам, его метод к строгому и точному знанию. “Фактопоклонниками” звали членов этого кружка... А.Н. Щукарев рано умерший, Д.В. Айналов и его друг Редин были старшими членами кружка. Более близки мне по возрасту и с тех пор мои ближайшие друзья были Я.И. Смирнов и С.А. Жебелев, с которыми частью связаны были Б.А. Тураев, Г.Ф. Церетели, а затем Б.В. Фармаковский. Я.И. Смирнов, ближайший и наиболее блестящий из учеников Н.П... был несомненно, наиболее сильной и цельной личностью из нашего кружка. Что я взял от него лично и что через него от Н.П., я не знаю, но эти влияния сыграли рядом с другими немалую роль в моей жизни. Я впервые стал ощущать, что без археологии в истории древности далеко не уйдешь»⁴.

Занятия Кондакова проходили в университетском музее древностей, которым профессор заведовал. Этот музей был создан еще в 1841 г., и на его пополнение отпускалось 570 руб. серебром в год, что, как писал ректор П.А. Плетнев, было «недостаточно для покупки древних vaz, бронз, резных камней и проч.», поэтому «надлежало ограничиться только эстампами, объясняющими греческие и Римские древности, мифологию и археологию искусств»⁵. Кроме занятий в университетском Музее, студенты под руководством Кондакова изучали собрания Эрмитажа. С 1888 г. Н.П. Кондаков одновременно с профессорской кафедрой занимал должность старшего хранителя Императорского Эрмитажа и возглавил в

³ ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 3. Д. 26229. Л. 18–60.

⁴ Ростовцев М.И. Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласовой. М.: «Индрик», 2002. С. 212–213.

⁵ Плетнев П.А. Первое двадцатилетие Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1844. С. 56.

музее Отделение Средних веков и эпохи Возрождения. Являясь в то же время членом Императорской Археологической комиссии, он привлекал наиболее способных студентов и к ее деятельности. Так, после соответствующего рапорта на имя председателя комиссии, Я.И. Смирнов получил от нее поручение совершить археологическую поездку по Крыму и Кавказу с целью осмотра и фотографирования местных археологических памятников и коллекций музеев. Главной задачей командировки являлось составление описи курганных древностей Тифлисского музея. На эту поездку Археологической комиссией было выделено 200 руб. и она продолжалась с 26 мая по 20 августа 1889 г. Проехав по всему черноморскому побережью Крыма от Херсонеса до Керчи, Смирнов на две недели задержался в бывшей столице Боспорского царства, ставшей в XIX в. своего рода «Меккой» российской археологии. Кроме осмотра многочисленных памятников в самой Керчи, студент Смирнов совершил двухдневную поездку по пустынному Азовскому побережью Керченского полуострова от урочища Сююр-Таш до Чокракского озера. Встретившись в Керчи с Кондаковым, учитель и ученик вместе отправились в Екатеринодар для осмотра коллекций Е.Д. Фелицына, а затем во Владикавказ, после чего Смирнов, побывав в Тифлисе, выполнил основное задание Археологической комиссии⁶. Привлек Кондаков своего способного студента и к разбору и анализу археологических находок из раскопок комиссии, самые ценные и интересные из которых передавались в Эрмитаж. Результатом этой работы стала статья Я.И. Смирнова «Описание древностей Южной России, найденных в 1882 г.», напечатанная в сводном «Отчете Археологической комиссии за 1882–1888 гг.» без указания имени автора. Также он помогал своему учителю в подготовке первого выпуска «Русских древностей в памятниках искусства», который вышел в свет в 1889 г. и был посвящен классическим древностям Северного Причерноморья⁷.

В 1891 г., получив диплом первой степени, Я.И. Смирнов закончил университетский курс и был оставлен при университете

⁶ РА ИИМК Ф. 1. 1889 г. Д. 44.

⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1888 год. СПб., 1889. С. 51; Тихонов И.Л. Становление классической археологии в Санкт-Петербургском университете: школа Н.П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. К 150-летию со дня рождения. СПб., 2001. С. 27–34.

для приготовления к профессорской деятельности и сдачи магистерских экзаменов (так тогда именовался институт аспирантуры). Осенью 1891 г. молодой магистрант принял участие в экспедиции Н.П. Кондакова на Ближний Восток, где провел небольшие самостоятельные раскопки в Иерихоне, на территории сада, принадлежащего Палестинскому обществу. Отчет об этих работах, в результате которых было открыто помещение с мозаичным полом, был опубликован в книге Н.П. Кондакова⁸. До 1894 г. начинающий ученый был оставлен без стипендии, и сдал сложные магистерские экзамены, причем, как писал С.А. Жебелев, Кондакову приходилось чуть ли не силком отправлять на экзамены Смирнова, отличавшегося не простым характером и упрямством⁹. После сдачи экзаменов он прочитал курс лекций по истории искусства на Высших женских (Бестужевских) курсах¹⁰.

В марте 1893 г. декан историко-филологического факультета И.В. Помяловский ходатайствовал перед министерством народного просвещения о командировке с ученой целью магистранта Я.И. Смирнова за границу. В итоге была получена командировка, (первоначально на два года), затем продленная еще на год, с содержанием на средства министерства в 1500 рублей в год¹¹. Поскольку за каждое полугодие командировки было необходимо представлять отчет, мы имеем детальные сведения о передвижениях и научных занятиях Я.И. Смирнова за границей. Первые полгода он провел в Греции, изучая древности Афин и участвуя в «островном путешествии», ежегодно организуемом Германским Археологическим институтом в Афинах под руководством В. Дерпфельда. Экскурсанты посетили Сунион, Форик, Марафон, Эртрею, Делос, Эгину, Эпидавр. Вместе с профессором В.К. Мальбергом Смирнов самостоятельно посетил Пелопонесс и Дельфы, а также свершил экскурсию в Смирну, где изучал иллюстрированную византийскую рукопись XI в.¹² В июле 1894 г. он пребывал в Кон-

⁸ Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине Н.П.Кондакова. СПб., 1904. С. 137–142.

⁹ Жебелев С.А. Из воспоминаний о Я.И. Смирнове / Публ. И.В. Тункинной, Э.Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 3. С. 185.

¹⁰ РА ИИМК Ф. 11. Д. 328.

¹¹ ЦГИА СПб Ф. 14. Оп.1. Д. 9223. Л. 1-26.

¹² РГИА Ф. 733. Оп. 150. Д. 967. Л. 198; Климанов Л.Г. Я.И. Смирнов: из рукописного наследия // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Отв. ред. И.П. Медведев. СПб., 1999. С. 451.

стантинополе, знакомясь с топографией города и коллекциями Оттоманского музея. Из Константинополя отправился в Сплете (Спалато), где участвовал в конгрессе христианских археологов, а затем совершил большое путешествие по побережью Адриатического моря и дунайским странам, посетив Сараево, Будапешт, Белград, Бухарест, Вену, Грац, Загреб, Триест. «Везде г. Смирнов сводил знакомство с местными археологами и, обладая собственным фотографическим аппаратом, делал снимки с предметов, представлявшихся ему наиболее интересными»¹³. С декабря 1894 до конца февраля 1895 г. русский магистрант оставался в Афинах, слушая лекции Дерпфельда и Вольтерса, а затем отправился в Египет для изучения греко-римских, византийских и коптских древностей. В Александрии его особенно заинтересовали раскопки близ Помпеевой колонны, важные для решения вопроса о тождестве Серапиума и Акрополя, а также собрание коптских надгробных стел Александрийского музея. В Каире, помимо музея и пирамид плато Гиза, молодой ученый познакомился с миниатюрами персидских рукописей из библиотеки хедива и с христианскими памятниками из собрания недавно открытого музея арабского искусства. Посетив еще и Мемфис, Смирнов вернулся в Грецию, где в апреле вместе с другими русскими магистрантами опять принял участие в путешествии Германского Археологического института по Пелопоннесу и островам. В течении двух недель посещены были Коринф, Дельфы, Олимпия, Аргос, Микены, Теринф, причем объяснения давали авторы раскопок в Дельфах – Омолль, в Иреоне – Вальдштейн, в других местах – Дерпфельд. Как писал Смирнов: «объяснения разнородных памятников, начиная от микенских могил и кончая византийской церковью в Олимпии, представляли собой как бы наглядный курс истории архитектуры»¹⁴.

Островная часть путешествия началось с острова Эгина, затем переехали на Парос, где познакомились со шведскими раскопками храма Посейдона. Далее маршрутами поездки стали Суний, Эорик, Ороп, Эретрея, Делос и другие важнейшие пункты, сохранившие остатки античной цивилизации. Далее маршруты поездки пролегли через города Малой Азии: Ассос и Трою. Возвратившись в Афины, молодые ученые слушали лекции Вольтерса в афинских музеях об античной скульптуре и вазовой живописи.

¹³ РГИА Ф. 733. Оп. 150. Д. 1178. Л. 16

¹⁴ ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 27. Д. 617. Л. 377об.

си. В конце мая – начале июня 1895 г. Я.И. Смирнов, М.И. Ростовцев и Е.М. Придик совершили большое путешествие по Пелопоннесу, посетив все важнейшие центры древнегреческой цивилизации, везде, прежде всего, интересуясь археологическими раскопками (Тихонов 1989). Затем Я.И. Смирнов посетил Ионические острова, а в конце июня вместе М.И. Ростовцевым и художником Л.М. Браиловским совершили еще одну поездку по Средней Греции, посетив Дельфы, Орхомен, Херонею, Фивы.

Если коллег интересовали в основном античные памятники, то Смирнов особое внимание уделял средневековым памятникам христианского искусства. Для этого он совершил поездку в Северную Грецию, где побывал в Арте, изучив собор Богородицы, замечательный оригинальной архитектурой и не изданными мозаиками, затем осматривал монастыри Метеоры и памятники в окрестностях Солуни (современные Салоники). Начало сентября провел на Кипре, где близ Ларнака, в деревни Кити открыл алтарную мозаику с изображением Божьей Матери и двух архангелов. Затем отправился в большое путешествие по Малой Азии. Огромные материалы, собранные в ходе этого путешествия Смирнов передал австрийскому археологу и искусствоведу Йозефу Стржиговскому, а когда друзья стали упрекать его за это, отвечал: «Самому мне не издать, или издать придется Бог весть когда, а для науки они нужны. Не хочу уподобляться собаке на сене»¹⁵. Первую половину декабря 1895 г. ученый провел в Константинополе, откуда возвращался в Петербург, поскольку там было необходимо его присутствие в связи с готовящимся изданием Археологической комиссии серебряных блюд и сосудов. В Константинополе Смирнов принял активное участие в деятельности только что открытого Русского Археологического института, был избран его членом, и обратил внимание директора института Ф.И. Успенского на пурпуровое Евангелие, обнаруженное им в деревне Сарсмисахлы близ Кесарии. Оно было приобретено для Петербургской Публичной библиотеке за 10.000 рублей¹⁶.

В апреле 1896 г. после месячного пребывания в Константинополе, Я.И. Смирнов отправился в Вену, где встретившись с Н.П. Кон-

¹⁵ Жебелев С.А. Воспоминания о Я.И. Смирнове. С. 184.

¹⁶ Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 68, 126; Климанов Л.Г. Я.И. Смирнов: из рукописного наследия. С. 466–469.

даковым, М.И. Ростовцевым и Л.М. Браиловским, через Северную Италию отправился вместе с учителем и приятелями в Испанию. Эта поездка заняла у него большую часть мая. Русские ученые посетили Барселону, Сарагосу, Мадрид, Кордову, Гранаду. Ростовцев позднее отмечал, что в этой поездке очень многому научился не только от маститого профессора, но и от Якова Ивановича, научивших его «рассматривать» древние вещи и «видеть» в них существенное¹⁷. Лето Смирнов проводит в Риме, изучая памятники «вечного города» и его окрестностей. Совершает поездку в Помпеи, где слушает лекции А. Мау. В августе 1896 г. ему опять пришлось возвращаться домой в связи с тяжелой болезнью отца, но в середине октября он опять в Риме, где собирается большая компания русских ученых; М.И. Ростовцев, Е.М. Придик, М.Н. Крашенинников и «примкнувший» к ним стипендиат Академии Художеств Л.М. Браиловский. Молодые ученые не только с утра до вечера изучают исторические достопримечательности Италии, но иногда не прочь и повеселиться, так Я.И. Смирнов сообщает в письме С.А. Жебелеву, который был некоторое время в Риме ранее, «неудурно праздновали рождение М.Ив. [Ростовцева], с ночной поездкой на пришедшее из Сицилии судно с вином, где под тентом и были угощаемы хозяином винной лавки, к которому пришло судно»¹⁸. В другом письме даже описывается курьезная история как после очередных «именин» друзья едва не были задержаны карабинерами¹⁹. Весной 1897 г. Я.И. Смирнов перебрался в Париж, а затем в Лондон, где изучал коллекции древностей и собирал материал для «Восточного серебра». Побывал он также в Берлине, Лионе, Женеве и многих других европейских городах, везде, прежде всего, изучая коллекции музеев.

Более чем три года, проведенные за границей стали для Я.И. Смирнова и других русских магистрантов более чем удачным завершением университетского образования. Непосредственное знакомство с важнейшими центрами античной и средневековой цивилизации, результатами археологических раскопок, коллекциями крупнейших музеев, составили солидную базу для их дальнейших исследований и определили очень высокий их уровень. В ходе этих же поездок завязались прочные научные связи с европейскими учеными.

¹⁷ Ростовцев М.И. Странички воспоминаний. С. 214.

¹⁸ РА ИИМК Ф. 11. Д. 354. Л. 21.

¹⁹ Там же. Л. 7.

После возвращения из командировки, приказом по министерству императорского двора от 16 июня 1898 г. №31 Я.И. Смирнов был определен кандидатом на классную должность по этому министерству и откомандирован для занятий в Императорском Эрмитаже. В университете он прочитал две пробные лекции, одной из которых было «Архаическое искусство Аттики по последним раскопкам и открытиям» и был допущен к чтению лекций в звании приват-доцента по кафедре теории и истории искусств. Первая лекция по истории искусства средневекового Востока была прочитана 11 сентября 1898 г.²⁰ Еще в 1897 г. Я.И. Смирнов в письме к С.А. Жебелеву высказал свои намерения по поводу лекций в университете: «...что-либо, вроде общего очерка вещественных памятников древнего мира, хотя бы Востока. На первый семестр, нечто в роде общего хламоведения (так в тексте - И.Т.). Художества и художественные школы и рост великих мастеров пусть развивают иные, я же полагаю не лишним дать понятие о реальных остатках древности во всем подавляющем множестве ничтожных в сущности вещей: при этом можно успешно пользоваться Эрмитажем. А то выдолбят все типы и характер разных (в значительной мере проблематичных) школ по литографированным лекциям, а мрамора от гипса не отличают. Теоретически мне такие реальные лекции казались бы не бесполезными, а общего курса по истории искусства я ни за что читать не буду»²¹.

Н.П. Кондаков видел в Смирнове своего приемника по кафедре, о чем прямо писал в октябре 1896 г. министру народного просвещения И.Д. Делянову: «Выслужив установленный параграфом Университетского Устава тридцатилетний срок и имея в виду рекомендовать на свое место в качестве профессора истории искусства магистранта Якова Ивановича Смирнова, как наилучшего своего ученика, известного мне по глубоким занятиям в классической археологии, приготавливающего капитальное издание по Греко-восточному искусству и в будущем, несомненно, достойного представителя столичной кафедры, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство удержать за мною означенную кафедру истории и теории искусства в течении следующих трех лет, впредь до исполнения Смирновым всех требуемых Уставом условий для занятия профессорской кафедры, с назначени-

²⁰ ЦГИА СПб Ф.14. Оп. 1. Д. 9223. Л. 30-33, 52; Оп. 27. Д. 624. Л.32.

²¹ ПФА РАН. Ф. 909. Оп. 5. Д. 22. Л. 25-26.

ем мне выслуженной пенсии и с предоставлением мне, по слабому здоровью, возможности оставаться на жительство в Ялте, исполняя при этом все ученые поручения Историко-филологического факультета, которые он найдет нужным мне сделать. Чтение лекций по кафедре истории искусства за это время историко-филологический факультет имеет поручить, по засвидетельствованию декана, приват-доцентам Смирнову и Щукареву»²². Однако надеждам Кондакова на передачу кафедры Смирнову было не суждено оправдаться, поскольку он неожиданно в августе 1899 г. подал прошение ректору о сложении с себя звания и обязанностей приват-доцента в знак протеста против увольнения из университета по политическим мотивам нескольких преподавателей. С.А. Жебелев писал об этой истории Д.В. Айналову: «У нас дела неважно обстоят. Уволен из Университета Карев и 4 приват-доцента, в числе их Гревс. Вероятно, под влиянием этого, а больше под влиянием своего самодурства Яков Иванович послал вчера ректору отказ от приват-доцентуры. Этим он, конечно, никого не поразил, но Щукареву сильно сыграл на руку. Я сегодня с Яковом прямо-таки ругался, даже дураком его окрестил. По-видимому, он сам сознает, что сделал глупость. Теперь еще глупее будет, если он эту глупость не исправит и не возьмет, как это ни совестно, бумаги своей обратно. Сделал свою глупость Яков Иванович, ни с кем не посоветовавшись, даже никому не сказав ни слова о своих замыслах. Сейчас послал ему ругательное и убедительное письмо, ибо слова устные на него не действуют. А как обидится Никодим Павлович!»²³

Возвращение Я.И. Смирнова в Петербургский университет состоялось только в 1913 г. Декан факультета восточных языков, академик Н.Я. Марр сообщал ректору, что факультет в своем заседании 15 февраля этого года постановил допустить к чтению лекций в качестве приват-доцента старшего хранителя Императорского Эрмитажа Я.И. Смирнова. В 1913–1914 учебном году он должен был прочитать курс лекций, сопровождаемый практическими занятиями, по истории искусства и археологии Востока. В апреле 1913 г. уже ректор ходатайствовал о выплате Смирнову вознаграждения (приват-доценты могли и не получать его) по 50 рублей в месяц за чтение лекций и ведение практических занятий.

²² РГИА Ф. 733. Оп. 150 Д. 1261. Л. 138об.

²³ ПФА РАН. Ф. 909. Оп. 5. Д. 22. Л. 25-26.

Лекции Смирнова не ограничивались традиционными для него темами, связанными с античным и средневековым искусством, так среди его архивных материалов сохранились и лекции по доисторическим памятникам, где рассматривались дольмены Кавказа, египетские гробницы, памятники эпохи энеолита на Кикладах, и даже мезолитические каменные орудия, которые ученый датировал VI тысячелетием до н.э.²⁴ В качестве практических занятий, например осенью 1914 г. предлагалось обозрение Музея этнографии Академии наук. Естественно, что являясь старшим хранителем Эрмитажа, Смирнов постоянно использовал в учебном процессе возможности музея.

Хотя Я.И. Смирнов числился на факультете восточных языков, основное время он проводил на историко-филологическом факультете, в своей alma mater – Музее или как его часто называли «Кабинете древностей». Также как в свое время его учитель – Н.П. Кондаков, теперь он сам вводил молодых студентов в премудрости знания о древнем искусстве. Вот что вспоминал об этих занятиях один из участников: «Он днем работал в Эрмитаже, а вечером и ночью сидел рядом с одним-двумя студентами в нашем “кабинете”, принося с собой груды книг. Мы работали молча, иногда – и скорее часто – Яков Иванович вызывал нас на беседу, учил, показывал, объяснял при помощи приносимых им книг. И мне кажется теперь и всегда казалось, что самыми интересными и редкими сведениями о нашей науке я обязан тем научным беседам в “Кабинете древностей”, которыми руководил по-товарищески Яков Ивановичи которые проходили под знаком его таланта и эрудиции. Само собой, он никогда не давал нам почувствовать разницу в возрасте и уровне наших знаний. Мы беседовали свободно, как сообщники в одном общем деле, и поэтому его наука переливалась в наше сознание легко и закреплялась в нем навсегда»²⁵.

В 1918 г., когда началась реформа Петроградского Археологического института, направленная на существенное расширение преподавания археологии в нем, путем создания археологического отделения со множеством кафедр, кандидатура Смирнова была предложена Советом института для занятия кафедры

²⁴ РА ИИМК Ф.11. Д.80.

²⁵ Грабар А.Н. Несколько воспоминаний о Якове Ивановиче Смирнове // Художественные памятники и проблемы культуры Востока / Отв. ред. В.Г.Луконин. Л., 1985. С. 8.

истории искусств христианского Востока²⁶. Но в октябре 1918 г., даже не перешагнув пятидесятилетнего рубежа, Я.И. Смирнов, здоровье которого оказалось сильно подорвано в условиях постоянного недоедания и отсутствия лекарств, скончался. Сложно предпологать какая судьба могла бы ожидать ученого в Советской России, особенно учитывая одну из главных областей его занятий – историю христианского искусства, но через десятилетие, косвенно, воспоминания о нем обернулись большими неприятностями для его близкого друга – С.А. Жебелева, который имел неосторожность в статье, посвященной памяти старого товарища в пражском сборнике *Seminarium Kondakovianum*, назвать Октябрьскую революцию и последующую за ней гражданскую войну «переворотом» и «пихолетьем», что вызвало целое «Дело Жебелева»²⁷. Только уже в наше время, в 1985 г. Государственный Эрмитаж выпустил сборник, посвященный памяти замечательного ученого, искусствоведа и археолога, академика (с 1917 г.) Якова Ивановича Смирнова.

Отчет о втором полугодии пребывания в заграничной командировке магистранта С.-Петербургского университета Я.И. Смирнова

[Отчет за 1-е полугодие 1894 г. был выслан Я.И. Смирновым из Константинополя 11 июля 1894]

Во время пребывания моего в Константинополе (9–27 июля) я ознакомился с топографией его по очерку [И.Н.] Mordtmann'a, осматривал некоторые доступные памятники, главным же образом ознакомился с древностями Оттоманского Музея, постоянно увеличивающиеся коллекции которого сделались теперь, с изданием каталога скульптуры, более доступными для изучения, учрежденная при музее археологическая библиотека также облегчает занятия его древностями. Дирекция музея изготовила для меня фотографии двух статуэток, которые я намереваюсь издать. Одна из них – бронзовая фигурка всадника, происходящая из Святилища Кибелы на горе Сипиле, представляла для меня интерес сходством своим с сильно поломанною статуэткой Исторического музея в Москве, происходящей из Херсонеса: константинопольский экземпляр лучшей сохранностью позволяет судить о том, какова была херсонес-

²⁶ Тихонов И.Д. Археология в Петербургском университете. С. 141.

²⁷ Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб., 2002. С. 116–161.

ская статуэтка. [Статья была опубликована в «Археологических известиях и Заметках 1895 г.» в Москве] <...> Другая мраморная статуэтка Орфея <...> представляла подобный же интерес, объясняя вместе с афинским Орфеем еще лучшей сохранности, базис, найденный несколько лет тому назад при раскопках Херсонеса. К этим трем памятникам мне удалось подыскать еще два фрагмента: базис в Бухаресте и голову в Аквилее. Все эти памятники, вместе с надписью в Эски Загре <...> свидетельствуют о распространении особого рода статуарных изображений Орфея, служивших, по-видимому, для декоративных целей. <...>

Большое количество древностей Оттоманского музея по недостатку места еще лежит в кладовых, а отчасти в ящиках; при втором посещении Константинополя я надеюсь ознакомиться и с этими древностями, к которым присоединились теперь еще некоторые рельефы и надписи, найденные в разрушенных землетрясением строениях. Кроме Музея, я видел еще коллекцию русского посла А.И. Нелидова, особенно интересную золотыми вещами, а также некоторые византийские древности, принадлежавшие Макриди-паше.

Пребывание мое в Константинополе было столь кратко вследствие отъезда оттуда морем на I-й Международный Съезд христианских археологов в Спалато, состоявшийся 8–11 августа. Об изданиях предварительного Комитета и занятиях съезда мною изготовлена статья для того же московского журнала. Кроме величественных остатков дворца Диоклетиана в Спалато, осмотрены были развалины, разрытые на месте древней Салоны, где главнейший интерес представляет базилика, воздвигнутая на гробах мучеников, и баптистерий внутри древнего города. Многочисленные древности, добытые в Салоне, наполняют в Спалато три музея, или, вернее, склада, в ожидании постройки и организации большого музея. Среди многих античных и христианских фрагментов мне удалось найти пьедестал к статуэтке Доброго Пастыря, представляющий орнаментальную фигуру, подобную вышеупомянутым Орфеям <...>. Близкое сходство статуэтки этой с двумя Добрými Пастырями Константинопольского музея, равно как и материал, проконнесский, по-видимому мрамор, свидетельствуют о происхождении статуэтки этой с Востока. Некоторые древности были мною сфотографированы.

Из Спалато отправился с некоторыми членами Съезда в Боснию по приглашению боснийского правительства: во время этой поездки (12–22 августа) осмотрены были нами большой *Laudes Museum*, устроенный в Сараеве, и древности в Яйце и Зенице, прав-

да довольно незначительные. Из двойной базилики, открытой в последней [Зенице], орнаментальные скульптуры алтарной преграды помещаются в Сараевском музее и представляют вместе с подобными фрагментами из Дабравины <...> интересные образчики характерного стиля, явно воспроизводящего в камне резьбу из дерева и находящегося в некоторой зависимости и от так называемых древнехристианских, и от византийских памятников. Довольно многочисленные римские памятники музея ничего особенного не представляют, зато весьма богато собрание бронзовых, так называемых «доисторических» древностей.

Из Боснии через Спалато и Полу направился я в Будапешт, где в общей сложности пробыл около двух недель (27 августа–2 сентября и 12–17 сентября), занимаясь древностями Национального Музея, где из обширного собрания различных древностей особенно важно собрание, богатейшее в Европе, древностей, времени переселения народов, которые вместе с вещами, находившимися в России, дают объяснение многим более поздним древностям Западной Европы. Весьма интересно и полезно для меня знакомство с директором Музея Иосифом Hampel'em, специально занимающимся древностями времен переселения народов: он изложил мне сущность статьи его (на мадьярском языке) в *Aethaeologia Ertesito* 1893 с. 385–407), где сопоставлены некоторые древности из Венгрии с древностями из «скифских» курганов Южной России. В числе фотографированных мною древностей музея – одна серебряная пластинка, судя по орнаментам ее, пополняет собираемые мною для «Материалов по археологии России, издаваемых Императорской Археологической комиссией», изделия из серебра Перми времен Сасанидов <...>. В «Археологических известиях и Заметках» 1894 с. 352–358 описан мною один кортик с русскими надписями 1720 г., находящийся в Музее Будапешта. Из Будапешта отправился я по Дунаю в Бухарест. Остановившись в Белграде, видел я тамошний небольшой и неустроенный еще Музей с его небольшим собранием римских саркофагов и надгробных плит.

В Бухаресте, в Музее древностей, помещающимся в тесном для него помещении, в Академии, особенно интересовал меня известный клад золотых вещей времен переселения народов. Среди собранных в Музее древностей есть несколько хороших греческих вещей из Афин; обширное собрание римских рельефов теперь значительно расширилось перевезенными туда рельефами огромного трофея, воздвигнутого в Добрудже Траяном и исследованно-

го проф. Точилеску; осмотр оригиналов заставляет меня усомниться в правильности толкования исследователем некоторых рельефов и в возможности восстановить порядок последовательности рельефов, руководясь лишь их содержанием. <...> Весьма богато собрание церковных вещей, отобранных несколько лет тому назад правительством у всех церквей и монастырей Румынии; среди них находится весьма интересный серебряный ритон варварской работы, подражающий греческим ритонам, лучшие образцы которых имеются в Эрмитаже и Museo Civico в Триесте. Помимо музея, привлекло меня в Бухаресте желание познакомиться с Одобеску, издателем нескольких сасанидских блюд, от которого я, действительно, получил некоторые указания, важные для моей работы. Из Бухареста вернулся я в Будапешт через Клаузенбург, где осмотрел небольшой музей с некоторыми интересными для меня произведениями позднееримской торевтики и некоторыми древностями времен переселения народов. Близ Будапешта видел я раскопки и небольшой музей на месте древнего Аквинкума.

Во время двухмесячного (18 сентября – 21 ноября) пребывания в Вене я слушал лекции по истории древнегреческого искусства проф. О. Бенндорфа (V века до Р. Х.), его же объяснения некоторых вазовых рисунков и разбор древнейших вазовых рисунков слушателями на практических занятиях. Библиотеки давали возможность заниматься отчасти продолжением работы над сборником сасанидских блюд, отчасти иными работами, например об Орфеях, о Константинопольской конной статуэтке. В большом придворном Kunsthistorisches Museum мною были фотографированы некоторые древности позднееримского времени, представляющие интерес по аналогии с некоторыми древностями Салоны.

В Oesterreichisches Museum für Kunst und Industrie фотографировал я некоторые ткани из некрополей Нижнего Египта, интересные по аналогии орнаментации их с орнаментами александрийских блюд; особенно интересен один кусок с изображением головы Перса времен Сасанидов, указанный мне хранителем музея [А.] Riegl'ем, специалистом по истории тканей. В Hofbibliothek занимался я рукописью Диоскурида, известной мне по миниатюрам: из нее фотографировал я олицетворение Моря, скрывшееся, кажется, от внимания некоторых описателей рукописи. Сняты были также миниатюры арабской рукописи Галена (века XIV), важные для моей работы многими деталями и интересные сходством с росписью потолка Палатинской капеллы в Палермо.

В Вене написал я заметку по поводу некоторых древностей Бухарестского музея, аналогичных с вещами из Венгрии и России, — эта заметка напечатана в мадьярском переводе в *Archaeologia Ertesito* 1894 стр. 385–388. На пути из Вены в Афины я посетил Грац с целью увидеть там проф. J. Strzygowsk'ого, но он оказался в Египте: Иоаннет, местный музей, содержит большое собрание римских древностей, древностей так называемых «доисторических» и довольно хорошее собрание кипрских древностей.

В Загребе осмотрел я местный музей, где меня среди «доисторических» и римских древностей особенно интересовали некоторые вещи, найденные в Салоне. В Триесте осмотрел я Museo civico, где особенно хорошо собрание древностей из Великой Греции, *Lapidarium Aquilense* содержит римские рельефы и незначительные статуи; собор Св. Юста весьма интересен <...> [неразб.] двух церквей: одной базилической формы, другой купольной, которые позднее соединены были вместе. Из Триеста посетил я довольно большой музей на месте древней Аквилеи, интересный собранием римских рельефов и статуй, происходящих из давно ведущихся уже раскопок древнего города. На пути в Грецию посетил я еще раз Зару, где небольшой музей помещается в весьма интересной круглой церкви VIII века, построенной на месте какого-то римского здания, Спалато и, проплыв вдоль берега Албании, осмотрел небольшой музей в гимназии Корфу.

Афины. 22 января 1895 г.

Магистрант СПб университета Я.И. Смирнов.

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Ед. хр. 617. Лл. 187–192 об. (Автограф Я.И. Смирнова)

**Отчет за I полугодие 1895 г. командированного за
границу магистранта С.-Петербургского университета
Я.И. Смирнова**

Вернувшись в начале декабря 1894 г. из Австро-Венгрии в Афины, я остановился в них до 21 февраля с.г., слушая лекции Вольтерса об архаической скульптуре в музеях, объяснения Дерпфельдом важнейших архитектурных памятников Афин и демонстрации Вильгельмом некоторых надписей эпиграфического музея. За это время я окончил статью о бронзовой статуэтке всадника Константинопольского музея, напечатанную в 4-м № Археологических известий и заметок, издаваемых Московским археологическим обществом (1895 г., стр. 93–122), и, предполагая пер-

воначально издать лишь два рельефа Афинского Центрального музея, изображающие фригийского бога Месяца, написал статью о культе и изображениях бога этого, помещенную в *Στεφανος*, Сборнике в честь проф. Ф.Ф. Соколова. СПб. 1895. стр. 81–135.

21 февраля отправился я из Афин в Египет. Ближайшей целью моей было ознакомиться с греко-римскими и византийскими древностями Александрии и Каира, а также с произведениями так называемого коптского искусства, где меня интересовали элементы, пришедшие из Сасанидской Персии; осмотр же монументальных памятников Верхнего Египта не мог состояться, как по недостатку времени, так и по чрезмерной дороговизне во время сезона, поэтому я был лишь в Александрии около недели и около месяца в Каире. Александрийский музей греко-римских древностей, основанный в 1892 г., во время моего пребывания в Александрии переносился в новое, специально для него выстроенное помещение, и потому большая часть мелких древностей находилась в ящиках и корзинах; но при возвращении моем из Каира терракоты были уже, хотя и без системы, выставлены в витринах. Музей пока довольно беден произведениями скульптуры, и наиболее интересно и разнообразно отделение терракот. Для меня, помимо многочисленных коптских надгробных стел, украшенных орнаментами, особенный интерес представил небольшой фрагмент Беллерофонта на крылатом коне <...>, так как эта декоративная скульптура представляет его совершенно в той же позе, как на двух других памятниках в Афинах и Смирне: <...> александрийский фрагмент может, кажется, быть относим к эллинистической эпохе и указывать поэтому происхождение декоративных скульптур этого рода. Другой недавно поступивший <...> памятник с коптской надписью 795/6 г. по Р. X., равно как и подобный ему в Гизехском музее <...> 786 г., служившие церковными престолами, <...> объяснил мне назначение плиты, найденной в развалинах базилики в Салоне и возбуждавшей недоумение археологов на съезде в Сплете [Спалато] <...>. Благодаря содействию русского консула мне удалось осмотреть частное собрание древностей г-на Антониади, пожертвованные впоследствии Александрийскому музею: большое собрание это особенно интересно золотыми вещами и резными камнями, хотя, – как то бывает обыкновенно в любительских собраниях, – значительное число вещей возбуждало сомнения в их подлинности.

Любезность хранителя музея, г-на Ботти, позволила мне ознакомиться с произведенными им раскопками у колонны, называе-

мой Помпеевой. Главный интерес раскопок этих состоит в вопросе о Серапеуме, который новейшие исследователи топографии древней Александрии помещают именно здесь, принимая, что акрополь Александрии, описанный ритором Афонием, тождествен Серапеуму, и что колонна посреди акрополя этого и есть Помпеева колонна, воздвигнутая в 304 г. по Р. Х. Те результаты раскопок, которые видел я, не могут, кажется, решить утвердительно первого вопроса, так как не обнаружено никаких следов тех обширных сводчатых субструкций, о которых говорит Руфин. <...> Что же касается второго, то действительно, согласно с описанием Афония, обнаружен был вокруг базиса колонны двор, мощный мрамором <...>. Но на склоне холма сделаны были находки, указывающие ясно, что колонна стояла среди каких-то иных монументальных сооружений. <...> Дальнейшее же продолжение раскопок в этом месте и в более широких размерах должно, как мне кажется, повести к важным для топографии древней Александрии открытиям, так как вопрос о тождестве Серапеума и акрополя может быть при полном обнаружении построек на холме «Помпеевой» колонны решен с несомненностью, потому что разрушение храма не могло, конечно, совершенно уничтожить его. <...> В находящихся близ «Помпеевой колонны» катакомбах, исследованных г-ном Ботти в 1893 г., интересна архитектурная отделка некоторых гробниц в виде фасадов и росписи других, относящихся, очевидно, к поздним римским уже временами и состоящие из цветочных гирлянд и некоторых фигур, взятых из египетской мифологии. Самое устройство гробниц с росписями <...> сходно с еврейскими гробницами окрестностей Иерусалима, росписи же техникой и характером своим напоминают недавно открытые подземные гробницы поздних времен из Керчи, равно как и иные гробничные росписи римского мира.

В Каире наиболее материала для занятий доставил, конечно, колоссальный музей, помещающийся временно в пригородном дворце Гизеха. Среди многочисленных египетских памятников особенный интерес представляют уборы из золота и цветных камней, найденные в прошлом и нынешнем году в пирамидах Дашура и относящиеся ко времени XII династии. Работы эти, поражающие тонкостью и изяществом <...>. Среди мелких памятников XVIII династии заметил я обломки деревянной пиксиды, украшенной рисунком, представляющим по сюжету и некоторым особенностям композиции сходство с памятниками так называемой «микенской культуры»: эти фраг-

менты, найденные в Kahun'e, где найдены были и черепки микенских сосудов, были мною сфотографированы и приготавливаются к изданию. В собрании разновременных золотых вещей особенно интересен ряд бляшек с изображением древнеперсидского крылатого божества, принадлежавших поэтому, вероятно, к немногочисленным памятникам древнеперсидского тореvтики.

Среди древностей греко-римских по достоинству работ выдаются лишь голова варвара эллинистического периода, фигура сирены из Серапеума и некоторые изделия художественной промышленности, например один деревянный саркофаг <...>. Монументальностью поражает статуя из красного порфира из Александрии, изображающая человека в римской тоге, сидящего на троне, усеянном драгоценными камнями и принадлежащая, вероятно, веку V по Р.Х.; к сожалению, голова не сохранилась. Весьма богато собрание терракот, по большей части изображающих божества в смешанных греко-египетских типах. Интересны также многочисленные костяные пластинки, украшенные резными фигурами-орнаментами. Две залы, посвященные коптским памятникам, преимущественно надгробным стелам, при сухости и угловатости орнаментации представляли для меня интерес многочисленными деталями, сходными с орнаментацией памятников искусства Сасанидской Персии, а также смешением элементов этих античными и с символами древнеегипетскими и христианскими. <...> я фотографировал несколько образчиков.

В Каире, в Bibliotheque Khediviale, богатейшем собрании восточных рукописей, просмотрел я персидские рукописи в надежде найти какие-либо следы влияния Сасанидского искусства, но прямого влияния его не заметно; зато много интересных аналогий встречается в бытовых деталях. В недавно основанном специальном музее арабского искусства в Каире собрано большое число памятников из различных мечетей, главным образом, конечно, изделий из дерева, среди которых весьма интересны древние двери <...>. Весьма оригинально также собрание стеклянных ламп из мечетей. При православной патриархии существует небольшой «музей», где помещаются старые иконы, найденные несколько лет тому назад в монастыре св. Георгия в Старом Каире и описанные в особой брошюре <...> Мазараки, который некоторых из них отнес к VI веку и древнее (!). На такую древность не может, однако, претендовать ни одна из них <...>. Гораздо более важным и интересными памятники христианского искусства находятся в церквях Старого Каира. <...> Из Каира

посетил я некрополи Гизеха и Саккара, а также место древнего Мемфиса. Дальнейшему пребыванию моему в Египте помешало желание принять участие в поездке по Пелопоннесу, ежегодно организуемой Германским Археологическим институтом.

В настоящем году, в течение двух недель, посещены были Коринф, Дельфы, Олимпия, храм близ Басс, Ликосура, Мегалополь, Мантинея, Аргос, Микены, Иреон, Тиринф и эпидаврийское святилище. В Дельфах объяснения на раскопках давал Омолль, в Иреоне объяснения на раскопках давал Омолль, в Иреоне Вальдштейн, во всех же прочих местах – Дерпфельд. Последние объяснения разнородных памятников, начиная от микенских могил и кончая византийской церковью в Олимпии, представляя собой как бы наглядный курс истории архитектуры, причем с особенной подробностью изъяснены были театры, над которыми работает теперь Дерпфельд. Что же касается памятников скульптуры, в частности Олимпийского музея, то экскурсия нынешнего года стояла в менее благоприятных условиях, нежели прошлогодняя, когда Вольтерс подробно говорил о фронтонах, а Лешке о Гермесе Праксителя.

Зато поездка по островам этого года была значительно интереснее прошлогодней, так как посещены были Ассос и Троя. Так как я участвовал уже в подобной поездке прошлого года, то в настоящем году присоединился к экскурсии лишь в Форике. В Эретрии к театру, виденному мною в прошлом году, присоединился теперь храм, открытый американскою школою в прошлом году, а на острове Делосе – ряд частных домов, весьма интересных по их декорации и устройству, сходному с домами Помпеи; в одном из них найдена весьма хорошо сохранившаяся копия поликлетовского Диадумена, которая передает оригинал, по-видимому, гораздо ближе и лучше, нежели известная статуя из Vaison'a. Величественные развалины Ассоса показали участникам экскурсии пример, как сохраняются древние города в странах с малым или кочевым населением, как в Малой Азии, Сирии, Северной Африке. Наилучше сохранились, однако, лишь стены; террасы с портиками и иными, вероятно, общественными зданиями, исследованы американцами, по-видимому, довольно недостаточно <...>. Особенный интерес представляло, конечно, посещение Трои с Дерпфельдом, распутавшим в значительной степени лабиринт разновременных стен, лежавших в различных слоях, которые идут к тому же наклонно, так что постройки одного и того же слоя являются то у подножия холма, то на вершине его. В двух длинных лекциях Дерпфельд показал и объяснил остатки двух древней-

ших больших крепостей и новейших эллинистических и римских сооружений, а также, пользуясь обширным видом с холма, говорил о топографии троянской равнины.

По возвращении в Афины слушал я краткие лекции Вольтерса в Центральном музее о вазах, терракотах и бронзах. С 26-го мая по 3-е июня я, и М.И. Ростовцев, и Е.М. Придик вместе с тремя иностранными стипендиатами совершили поездку по Пелопоннесу. Посещено было место древней Тегеи, где, кроме нескольких фрагментов и засыпанных после раскопок оснований храма, ничего не видно из древнего города, а в церкви деревни Пиали оказались части от большой церкви века VI, быть может.

В Спарте, кроме развалин небольшого храма и круглой стены, подпиравшей такое же здание или, скорее, террасу на акрополе, также никаких более интересных видимых остатков древнего города не сохранилось, зато в Музее хранятся известные архаические рельефы и много иных скульптур и архитектурных фрагментов. Посетили мы близ древних Амикл также и знаменитую круглую гробницу, известную под именем Вафьё и теперь значительно развалившуюся и осыпавшуюся. Из Спарты отправились мы в Мистру, где член французской школы I. Millet показал и объяснил нам ряд церквей (отчасти сильно разрушенных) XIV и XV веков, фресковые росписи которых он специально изучает.

Через хребет Тайгета по ущелью Лангады прошли мы в монастырь Вуркано на горе Ифоме и осмотрели развалины города Мессены, где особенно хорошо сохранились лишь стены; от храмов же уцелели лишь незначительные остатки; а посередине древнего города видна еще обширная платформа: оригинальная обработка камней, из которых сложена ее стена, представляет сходство со стенами <...> в театре в Магнесии на Меандре <...>. Наконец, в Пилосе посетили мы т. н. Палеокастро, где предполагают дворец Нестора, но где никаких значительных остатков древних сооружений не заметно.

Время с 4-го по 13-е июня провел я с одним из наших спутников на Ионических островах. На Занте, в городе и ближайших окрестностях, ничего древнего не сохранилось: несколько скульптурных фрагментов хранятся в Библиотеке, да в стену цитадели вставлен кусок от надстолпия дорического храма, а по дороге в цитадель виден кося древней двери, стоящей еще *in situ* на ступени, высеченной в скале. На Кефалонии посетили мы развалины древних городов <...>, где довольно хорошо сохранились местами сте-

ны, да стены террас. По склонам гор. На Ифаке видели мы незначительные остатки стен на горе <...>, источник в бухте Перанигада, предполагаемую Арефусу и остатки небольшого храма у деревни Ставро, т. н. «Школу Гомера».

Еще одну экскурсию по Средней Греции сделал я с пенсионером Императорской Академии художеств Л.М. Браиловским с 20 по 28 июня. Сперва посетили мы вместе с М.И. Ростовцевым Дельфы, где и видели новейшие раскопки и находки, среди которых особенно интересны обломки монументальной мраморной группы, представлявшей борьбу львов с быком и еще каким-то животным и, следовательно, по сюжету сходной с известными поросовыми группами афинского акрополя. Тщательный осмотр фриза сокровищницы сифнийцев убедил меня в верности мнений Омолла о распределении сюжетов по сторонам <...>.

Из Дельф я с моим спутником и проживавший в Дельфах секретарь Русского Археологического общества в Константинополе П.Д. Погодин поехали в монастырь Луки Стириота, где одна из двух церквей XI века сохранила еще в значительной части древнюю облицовку стен мраморами и мозаику по сводам, затем мы двое поехали через Ливадию, Орхомен и Херонею в Элатею, где меня интересовали развалины церкви, в которых найден был камень из Канны Галилейской, а оттуда, проехав через Аталанту и Мартино, спустились к северо-восточному концу бывшего Копандского озера и посетили деревню Тополья (др. Сорае), остров Гулас (Arne, по предположению Noadl'a, оспариваемому Ridder'ом, открывшим там дворец микенского времени), и святилище Аполлона на горе Птоон.

Наконец, в Фивах, где до сих пор не обнаружено никаких значительных остатков древних строений, видели мы небольшой музей, богатый лишь надписями, и многочисленные архитектурные фрагменты от древних церквей, заложенные в стены новых.

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Ед. хр. 617. Лл. 371–380 об. (Автограф Я.И.Смирнова)

